

ЛОГИКА И ОНТОЛОГИЯ В ФОРМАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ В.А.СМИРНОВА

Ответственность, к которой приучает работа с формальным аппаратом, требует ответственного, рефлексивного отношения к предпосылкам и границам применения самого формального аппарата. Могут ли методы логики, опирающиеся на определенные онтологические предпосылки, служить средством экспликации онтологических концепций и решения философских проблем? Те идеологические условия, в которых довелось жить и работать Владимиру Александровичу Смирнову, придают этому методологическому вопросу дополнительный «социальный» аспект. Не служили ли формальные методы, применяемые в философии В.А.Смирновым и его учениками, всего лишь «защитными стенами», создававшими элементарные условия для разумной работы и ограждавшими эзотерическое в своей «идеологической нейтральности» сообщество логиков от обременительного общения с профанным идеологическим окружением? О необоснованности таких, не столь уж редких, подозрений свидетельствуют не только факты личной биографии В.А.Смирнова, которому постоянно приходилось бороться с небезопасными обвинениями в неопозитивизме, но главное, конечно, его научные достижения. Результаты, полученные В.А.Смирновым в формальных реконструкциях философских проблем и концепций, сопровождаемые тщательным анализом предпосылок этих реконструкций, позволяют говорить о самостоятельном научном феномене, сохраняющем непреходящую ценность вне зависимости от изменяющихся социальных условий, феномене, который я бы назвала *формальной философией В.А.Смирнова*.

По свидетельству В.А.Смирнова, кантовская трактовка логики как формальной философии, «открывает возможности для более широкого понимания и применения логики» [Смирнов 2001и, с. 465]. Он убежден, однако, что как бы не расширялась сфера логики и её приложений, она всегда будет развиваться в направлении, заданном еще Аристотелем, оставаясь логикой формальной. Резко выступая против проектов создания какой-либо альтернативной формальной, например, диалектической логики, В.А.Смирнов отмечает, что «идеи аристотелевской логики как теории способов рассуждения, гарантирующих при истинности посылок истинность заключения, оказались устойчивыми и способными к непрерывному развитию. В этом отношении её судьба сходна с математикой. Все попытки создать принципиально новую логику оказались

иллюзорными» [Смирнов 2001д, с. 291]¹. Таким образом, решающей для квалификации собственной логико-философской концепции В.А.Смирнова как формальной философии оказывается, на мой взгляд, интерпретация им фундаментальной идеи формальности логики.

В ранней и небольшой по объему, но программной работе 1958 года «Является ли классическая формальная логика универсальной?» В.А.Смирнов пишет: «Логика формальна постольку, поскольку она изучает логические формы, законы, правила, абстрагируясь от *конкретного* содержания понятий, суждений и т.п. Но, не завися от *конкретных* свойств мыслимых предметов, логические свойства зависят от *общих* свойств предметов» [Смирнов 2001г, с. 287]. Вопрос о природе и онтологическом статусе этих общих свойств предметов имеет общефилософское значение, уходя корнями в античность. В своей трактовке формальности логики В.А.Смирнов явным образом опирается на Аристотеля (см. [там же]), однако не дает развернутой экспликации аристотелевской онтологии общих свойств в терминах современной логики. Закономерен вопрос о возможности такой экспликации и её совместимости с интерпретацией В.А.Смирновым природы и задач логики.

Говоря о понимании Аристотелем соотношения формы, свойства и сущности, важно отметить, что, с точки зрения Стагирита, существовать для соотнесенного значит находиться в каком-либо отношении к другому. Вместе с тем, полемизируя с релятивизмом, Аристотель подчеркивает несоотнесенный, безусловный характер бытия сущности как условия возможности отношений. «Если же не все есть соотнесенное, а кое-что существует и само по себе, - пишет он, - то уже не все, что представляется, может быть истинным; в самом деле, то, что представляется, представляется кому-нибудь, а потому тот, кто говорит, что все представляемое истинно, все существующее признает соотнесенным» [Аристотель, 1975, с. 139]. Сущность как неделимый вид (наименее общий вид, сказываемый непосредственно об индивидах) в случае сущности - эйдоса (неделимости вещи по виду) тождественна форме вещи. Сущность – форма, будучи неделимой, обладает самостоятельным бытием, в отличие от свойств, нуждающихся для своего существования в сущности.

От каких именно свойств зависят логические законы, правила, формы? «Если это свойства, общие всем предметам, - рассуждает В.А.Смирнов, - то мы имеем одну, единственную формальную логику. Если же законы и правила логики зависят от свойств, общих только определенным группам предметов, то мы имеем ряд формальных логик,

¹ Невозможность диалектической логики (диалектики как логики), конечно, не исключает использования *формальных методов* при разработке паранепротиворечивых логик, исследующих нетривиальные противоречивые теории (см. [там же, 294])

каждая из которых пригодна для своей области; в этом случае логические законы и правила не универсальны, но их формальный (т.е. независимый от конкретного содержания) характер сохраняется в пределах применимости данной логики» [Смирнов 2001г, с. 287]. Известно, что И.Кант истолковывал формальность общей логики как её универсальную применимость, полную независимость от содержания. Нормативная по своей природе общая логика безразлична к содержанию и не предполагает какой-либо онтологии. «Области с качественно отличной природой объектов, - полагает в противоположность Канту В.А.Смирнов, - требуют разных логик при рассуждениях о них. Единая логика возможна, но она уже не будет чисто формальной» [там же, с. 289]. В понимании причин невозможности единой формальной логики и, вместе с тем, условий возможности многообразия формальных логик В.А.Смирнов мог бы согласиться, на мой взгляд, не столько с И.Кантом, сколько с А.Тарским.

«Рассмотрим, - предлагал Тарский в своей знаменитой лекции 1966 года «Что такое логические понятия?», - класс *всех* взаимно - однозначных преобразований пространства, или универсума рассмотрения, или «мира» на себя. Что за наука будет заниматься понятиями, инвариантными относительно самого широкого класса преобразований? ... Я полагаю, что эти понятия являются логическими, и что мы называем некое понятие «логическим», если оно инвариантно относительно любых возможных взаимно - однозначных преобразований мира на себя» [Tarski 1986, p. 149]. Таким образом, логическими Тарский признает понятия, которые определяют объекты, инвариантные относительно перестановок универсума. Эта инвариантность свидетельствует о том, что логические понятия не различают индивидуальные объекты в области. При этом они не являются «пустыми функциями единства» в кантовском смысле, поскольку имеют дело с индивидами высшего порядка - классами изоморфных структур. Обладая онтологическим статусом абстрактных объектов, гипостазирующих структурно инвариантные свойства моделей, классы изоморфных структур (типы изоморфизма) воспроизводят, на мой взгляд, существенные черты неделимых видов аристотелевской онтологии.

Понимание формальности как инвариантности относительно изоморфных преобразований дает возможность обосновать формальный характер неуниверсальных логик, на котором настаивает В.А.Смирнов. Неуниверсальность правил этих логик не позволяет рассматривать их формальность как применимость к любой предметной области, обусловленную, скажем, кантовской нормирующей функцией общей логики в отношении «мышления как такового». Сохранение их формального характера «в пределах применимости данной логики» проявляется здесь в инвариантности

относительно изоморфных преобразований моделей этой логики. Рассматривая, скажем, лишь финитные модели, мы будем понимать квантор «существует не более чем n », обладающий свойством инвариантности относительно изоморфных преобразований таких моделей, как логический квантор. При этом мы, конечно, не обязаны исключать возможность логик с бесконечными моделями, в которых этот квантор уже не будет рассматриваться как логический и в этом смысле формальный. Принципы демаркации границ логического и нелогического, формального и неформального релятивизируются, таким образом, относительно принятой системы моделей.

Каков же тот «минимум логического», без которого логика перестает быть логикой? Этот вопрос уже в начале XX века ставил казанский логик Николай Александрович Васильев, само имя которого стало известно мировому научному сообществу благодаря исследованиям В.А.Смирнова. «Аксиомы логики множественны, - полагал Васильев, - как множественны аксиомы геометрии. Раз это так, то где гарантия того, что какое-нибудь логическое основание не может быть отброшено, заменено другим? ... Мы не можем утверждать абсолютности всех аксиом и всего содержания логики, как не можем утверждать абсолютности всех аксиом и всего содержания геометрии» [Васильев 1989, с. 97-98]. Как подчеркивает В.А.Смирнов, отбрасываться и варьироваться могут, согласно Васильеву, не металоогические законы, относящиеся к познающему субъекту с его неизменными «рациональными функциями», а логические законы онтологического («эмпирического» в терминологии Васильева) уровня. Для разных систем объектов могут быть значимы разные логические законы. Так, «воображаемая» логика гипотетически предположенного Васильевым мира «осуществленного противоречия» будет, в отличие от обычной «аристотелевской» логики, отрицать онтологический закон противоречия: «Ни одной вещи не принадлежит предикат, противоречащий ей». Несовместимость противоречащих свойств – онтологическое свойство нашего мира, вообще говоря, не обязательное для мира «воображаемого». Сохраняя неизменными законы металоогии, мы можем, согласно Васильеву, варьировать логические законы «эмпирического» уровня. Однако, как отмечает В.А.Смирнов, эта «конкретизированная логика», содержащая (наряду с металоогическими) материальные, онтологические принципы «уже не чисто формальна» (см. [Смирнов 2001а, с. 140]).

«Закон противоречия, - пишет Васильев, - есть закон эмпирический и реальный. Эмпирический, поскольку он сводится к факту существования несовместимых предикатов в нашем мире, к факту, который может быть удостоверен только опытом.... Закон противоречия есть сокращенная формула, содержащая в себе бесчисленные факты, вроде того, что красное несовместимо с синим, белым, черным и т.д., тишина несовместима с

шумом, покой с движением и т.д.... Закон противоречия есть закон реальный, ибо он обращается не к мыслям, а к реальности, не к суждениям, а к объектам... Красный предмет не может быть синим, круг не может быть квадратом – все эти положения, которые вытекают из закона противоречия, суть высказывания относительно красного предмета, круга, все это положения, характеризующие эти объекты» [Васильев 1989, с. 67]. Закон противоречия может быть пересмотрен, ибо противоположное эмпирическим и реальным законам не является немислимым. В отличие от реального закона: «В предметах нет противоречия», формальный закон абсолютного различия истины и лжи: «Одно и то же суждение не может быть зараз истинным и ложным» отбросить нельзя, «ибо тот, кто отбросил бы это положение, - тот, кто бы стал смешивать истинное с ложным, - перестал бы вообще рассуждать логически» [там же, с. 64].

Получается, что мы могли бы корректно рассуждать о мире, в котором нарушаются *случайные* нормы мышления, обусловленные частной спецификой обсуждаемых классов объектов или даже такими фундаментальными принципами организации мира нашего опыта как онтологический закон противоречия. Однако мы не смогли бы рассуждать вообще, если бы нарушились *необходимые* законы универсальной металогике, характеризующие рациональные способности суждения и вывода «сами по себе». Таким образом, проект «воображаемой логики» Васильева, по сути, остается на уровне кантовского представления об универсальности общей логики (металогике), не предполагая её коррелятивности онтологии («неформальной» логике эмпирического уровня). Эту историческую ограниченность проекта реформирования логики, предложенного Васильевым и обусловленную его философскими установками, отмечает В.А.Смирнов. «Н.А.Васильев, - пишет он, - считает, что металогика не зависит от познаваемых объектов, другими словами, не зависит от конкретизированной, «содержательной» логики. Однако дальнейшая история логики показала, что это не так» [Смирнов 2001а, с. 139]. В собственном научном творчестве В.А.Смирнова критический анализ идей Н.А.Васильева послужил стимулом к построению целого класса многомерных и комбинированных логик с зависимым и независимым варьированием «внутренней» (онтологической) и «внешней» (абстрактной) логик.

Различение «внутреннего» и «внешнего», «субъективного» и «объективного», незыблемое для казанского философа, относительно не только с теоретической, но и с историко-философской точки зрения. «Закон противоречия имеет объективное значение, - писал Васильев, - а закон абсолютного различия истины и лжи – субъективное» [Васильев 1989, с. 65]. Возможность отбрасывания «объективного» закона противоречия непосредственно связана у него с гипотетической допустимостью «иногo отрицания»,

отличного от того, которое обусловлено устройством наших познавательных способностей, не предполагающих опыта «отрицательной реальности». Для нас, полагал Васильев, отрицательное суждение всегда является результатом вывода. Хотя можно предположить другой «логический мир», где «сам опыт без всякого вывода убеждает нас в том, что S не есть P» [там же, с. 63], в нашем опыте и в нашем мире нет ничего отрицательного. В истории логики известны, однако, иные оценки соотношения онтологического и логического в суждениях отрицания. В качестве примера уместно рассмотреть подход к отрицанию индийской школы навья-ньяя, вошедшей в круг научных интересов В.А.Смирнова в связи с его работой над вступительной статьей к книге Д.Г.Х.Инголлса «Введение в индийскую логику навья-ньяя» (см. [Инголлс 1974]).

Как отмечает В.А.Смирнов, онтология найяиков основана на интенциональном платонизме. «Вывод здесь – процесс, в котором оперируют не просто высказываниями и терминами как лингвистическими объектами, а «знаниями». Однако, несмотря на это, вывод носит формальный характер» [Смирнов 1974, с. 3]. Действительно, теория вывода является для найяиков лишь составляющей частью *прамана-вады* – учения о достоверных источниках знания, а формальность этой теории обеспечивается особой онтологией знания, разрабатываемой школой навья-ньяя. Для найяиков определенное знание объекта есть знание его отличия от других вещей. Корова как объект определенного знания есть отрицание лошади, быка и т.д., а наличие коровы – отрицание своего противоположного, т.е. отсутствия коровы. Найяики полагают, что объектом отрицательного суждения является особая чувственно воспринимаемая сущность – отсутствие (*абхава*). *Абхава* трактуется ими не как «отсутствие присутствия», а скорее как «присутствие отсутствия». Скажем, высказывание «Нет коровы» будет истолковано как «Имеется отсутствие коровы». Подобно Васильеву, найяики понимают принцип запрещения противоречия как онтологический закон – там, где наблюдается отсутствие, не может наблюдаться противоположное ему, а там, где наблюдается противоположное отсутствию, не может наблюдаться отсутствие. Однако «субъективная несамопротиворечивость», абсолютно независимая, по Васильеву, от конкретной онтологии «нашего мира», является для найяиков прямым следствием принципа запрещения противоречия, вытекающего именно из устройства «нашего» (то есть воспринимаемого) мира. Сам термин *анумана*, который они используют для обозначения вывода, буквально означает «последующее обдумывание» (*ани* – «вслед за», *танас* – ум), то есть «обдумывание», следующее за восприятием и опирающееся на данные, полученные в процессе восприятия. Чувственное познание и логический вывод различаются не предметом, но лишь степенью ясности и отчетливости.

Известно, что и Аристотель трактовал закон запрещения противоречия не только как логический, но и как онтологический принцип. Те, кто оспаривают закон противоречия, ссылаясь на многообразие свойств сущего, полагает он, «на деле отрицают сущность и суть бытия вещи: им приходится утверждать, что все есть привходящее или что нет бытия человеком или бытия живым существом в собственном смысле. В самом деле, если что-то есть бытие человеком в собственном смысле, то это не бытие не-человеком или небытие человеком (и то и другое ведь отрицания первого), ибо одним было означенное и это было сущностью чего-то. Означать же сущность чего-то имеет тот смысл, что бытие им не есть нечто другое. Если же бытие человеком в собственном смысле значит бытие не-человеком в собственном смысле или небытие человеком в собственном смысле, то бытие человеком будет чем-то еще другим» [Аристотель, 1975, с. 129].

Онтология Аристотеля, существенно отличающаяся от онтологии навья-ньяи, предопределяет, вместе с тем, принципиально иную категориальную структуру его логики. Фундаментальное для аристотелевской логики отношение присущности замещается у найяиков отношением проникновения (*вьяпти*). Вслед за Д.Г.Х.Инголлом важность этого различия отмечает В.А.Смирнов, говоря о трудности понимания одной логической системы в терминах другой [Смирнов 1974, с. 5].

Вывод у найяиков осуществляется в силу неразрывной связи, проникновения основания вывода и выводимого следствия. *Вьяпти* суждений опирается на онтологическое отношение объектов: один объект «проникает» другой, если наблюдается всегда (или хотя бы в большинстве случаев), когда наблюдается другой. Ссылка на опыт многократных наблюдений и вероятностный, «статистический» характер вывода в силлогистике навья-ньяи делают практически общим местом оценку её как разновидности индуктивной логики. Любопытно, однако, что само отношение проникновения найяики также полагали чувственно наблюдаемым. В дымности зоркий человек непосредственно воспринимает *вьяпти* огненности, делая вывод: «То, что дымится, воспламенено». На мой взгляд, определенную помощь в истолковании того смысла, который приобретает термин «индуктивный вывод» применительно к школе навья-ньяи, может оказать трактовка индукции Н.А.Васильевым. Наряду с суждениями о фактах, он выделял суждения о понятии, устанавливающие закономерную зависимость между субъектом и предикатом (ср. *вьяпти* найяиков). Отмечая неточность обычного определения индукции как перехода от частного к общему, Васильев утверждает: «Во всех индуктивных процессах мы переходим от факта к правилу, от конкретного к абстрактному» [Васильев 1989, с. 31]. «Эта мысль Васильева, - пишет В.А.Смирнов, - очень интересна и по существу правильна. Цель индуктивного исследования – получение

закона» [Смирнов 2001а, с. 147]. Индуктивный характер вывода в логике навья-ньяя может быть понят с этой точки зрения как выражение его модальной природы, косвенным подтверждением чего является предложенная В.А.Смирновым модальная интерпретация номологических суждений, в терминологии Васильева – суждений о понятии (см. [Смирнов 2001б, с. 158 - 159]). Не удивительно, что принципиальное для Васильева утверждение о том, что все суждения о понятии являются общими, переключается с методом универсализации частных суждений в навья-ньяе, предваряющим последующую элиминацию кванторов за счет комбинации отрицаний и абстрактных свойств (см. [Инголлс 1974, с. 63 – 65]).

Хорошо известна роль кванторов в выявлении онтологических допущений языков фреге–расселовского типа, закрепленная *мантрой* современной логики - каноническим критерием У.Куайна: «Быть значит быть значением квантифицируемой переменной». «Я полностью разделяю критерий Куайна» - с абсолютной определенностью утверждает В.А.Смирнов в работе «Модели языка и модели мира» [Смирнов 2001е, с. 366]. Совершенно ясно, что этот критерий является онтологическим не потому, что позволяет нам узнать, что существует, но потому, что позволяет выявить те сущности, о которых наш язык говорит как о существующих. В.А.Смирнов формулирует вопрос, на который призван ответить критерий Куайна следующим образом: «Накладывает ли структура языка некоторые ограничения на объекты мысли, делает ли язык самой своей структурой некоторые допущения о них или нет?» [там же, с. 364].

Конечно, критерий Куайна применим непосредственно лишь к формализованным языкам. Обсуждение онтологических обязательств какого - либо фрагмента естественного языка или неформализованной теории всегда релятивизировано относительно выбора определенного способа формализации. Более того, применимость критерия Куайна к самим формализованным языкам зависит не столько от их синтаксиса, сколько от семантики. Скажем, при подстановочной интерпретации кванторов квантифицируемые переменные пробегают по выражениям языка и, следовательно, к языкам с такой интерпретацией этот онтологический критерий не применим. Таким образом, критерий Куайна корректнее формулировать не в синтаксических, а в семантических, точнее, в теоретико-модельных терминах.

Интересуясь онтологией некоторой теории T , мы должны формализовать её и исследовать модели полученной формализованной теории T_1 . Множество объектов, входящих в универсумы этих моделей (то есть именно тех объектов, для которых в T_1 при её стандартной интерпретации имеются квантифицируемые переменные), и полагается онтологией исходной теории. Можно показать, что понимаемая таким образом онтология

релятивизирована относительно выбора того или иного способа формализации теории. Допустим, наша исходная теория включает утверждение о том, что некоторым свойством P обладает *несчетное множество объектов*. Это утверждение можно формализовать в стандартном первопорядковом языке с соответствующим истолкованием выражения «*несчетно много*» как нелогического предиката или, скажем, с помощью нестандартного логического квантора Кейслера «*существует несчетно много*». При стандартной формализации теория обязана (в силу теоремы Лёвенгейма-Сколема) иметь по крайней мере одну модель, где *нелогический* предикат «*несчетно много*» получит нестандартную интерпретацию и предикату P будет приписано счетное множество объектов. Вместе с тем, нестандартная формализация с использованием *логического* квантора Кейслера в каждой модели припишет предикату P несчетное множество объектов. Таким образом, различные формализации обязывают исходную теорию к различным онтологическим допущениям: нестандартная формализация, в противоположность стандартной, обязывает её принять онтологию несчетного множества объектов. Такой «онтологический плюрализм» придает решающее значение вопросу об основаниях выбора того или иного способа формализации, «языкового каркаса» в терминологии Р.Карнапа.

Уже в 1963 году В.А.Смирнов издает классическую работу «О достоинствах и ошибках одной логико-философской концепции», посвященную критическому анализу теории языковых каркасов Карнапа. «Тезис Р.Карнапа о коррелятивности принятия той или иной системы объектов введению соответствующего языкового каркаса – без последующих дополнительных предпосылок, - пишет В.А.Смирнов, - верен» [Смирнов 2001ж, с. 349]. Он полагает также правильным и не несущим специфически позитивистских установок разграничение вопроса о существовании на внутренний и внешний. «Нельзя согласиться с Карнапом при трактовке проблемы объектов науки в одном – и это главное, определяющее основную философскую установку, - в том, что внешний вопрос не есть теоретический, познавательный» [там же, с. 350].

Эта философская позиция, заявленная В.А.Смирновым почти полвека назад, не только не потеряла своей актуальности, но, наоборот, приобрела особую остроту в связи с постмодернистскими атаками на рациональность, подлинным рыцарем которой был Владимир Александрович. С точки зрения «нового прагматизма», вдохновляемого идеей свободы от «универсальных обязательств», каждая логическая система, «языковой каркас» задает свою собственную, оправдывающую её онтологию, «форму жизни», закрытую для теоретической критики. Именно логика, свободная от «универсальных онтологических обязательств», полагается «новым прагматизмом» гарантией свободы субъекта, не связанного отныне никакими путями «универсальной общезначимости».

Выбирая в качестве основания своего действия одну из «частных» логик, субъект принимает лишь обусловленные ею «частные» онтологические обязательства. Сугубо прагматический характер этого выбора ставит, однако, под сомнение целостность самого субъекта выбора, «жизненный мир» которого распадается на множество несоизмеримых онтологий. Отрицание возможности рефлексии, являясь, по сути, формой рефлексии, проблематизирует саму ситуацию рационального выбора. Вопрос о теоретическом статусе «внешнего вопроса» о существовании оказывается, таким образом, в фокусе актуальнейшей полемики о природе и судьбах рациональности.

Не случайно аргументы, приводимые В.А.Смирновым в защиту познавательного характера «внешнего вопроса», тесно связаны с пониманием им неклассического характера новой рациональности, перекликающимся, по его собственному признанию, с подходом М.К.Мамардашвили. «Человек уже не противостоит природе, а должен рассматриваться как часть природы, - полагает, солидаризируясь с М.К.Мамардашвили, В.А.Смирнов, - Он не извне изучает природу. А раз человек – часть природы, то мы не можем допустить идеализации всемогущества. Наше познание осуществляется при определенных условиях, на каждом этапе интеллектуальная мощь ограничена. Мы должны подходить к субъекту как к конечному существу» [Смирнов 2001в, с. 281 – 282]. Пересмотр «идеализации всемогущества» не только не ведет к отказу от рациональности, но, напротив, создает условия для её обоснования и защиты: «идеализация всемогущества» уступает место плюрализму идеализаций.

«В каких пределах и при каких условиях идеальные объекты остаются моделями действительности, определяется принятыми способами идеализации, - пишет, критикуя Карнапа, В.А.Смирнов. – В такой формулировке вопрос о принятии системы абстрактных объектов (соответственно языкового каркаса) есть познавательный вопрос» [Смирнов 2001ж, с. 351]. Он предлагает простой и прозрачный критерий: «Тот или иной способ идеализации оправдан, если имеют место (т.е. являются истинными) те предпосылки, на которых он основан» и поясняет его на примере: «При каких предпосылках возможна абстракция отождествления, то есть когда мы можем говорить о различных объектах как проявлениях одного и того же идеального? Абстракция отождествления будет оправдана, если между предметами рассматриваемого класса имеет место отношение типа эквивалентности, т.е. это отношение рефлексивно, симметрично и транзитивно. Там, где выполняются эти предпосылки, т.е. там, где они истинны, допустима идеализация типа абстракции отождествления» [там же, с. 351-352]. Ориентируясь на моделирование реальности, создание «картин мира», идеализация является, вместе с тем, формой деятельности субъекта как «конечного существа» и поэтому не безразлична к целям этой

деятельности. Так, «вопрос о степени точности модели включает в себя элемент выбора, определяемого практической установкой. Достаточна ли данная степень точности – это решается для различных ситуаций различно» [там же, с. 351].

Таким образом, онтологическая проблема встает у В.А.Смирнова как проблема онтологических оснований идеализации - конструирующей деятельности субъекта. Такой подход, безусловно, роднит его с кантовским конструктивизмом. Догматической онтологии как умозрительному учению о наиболее общих категориях бытия, лежащих в основе эмпирического многообразия мира, Кант, как известно, противопоставил аналитический метод исследования процедур концептуализации опыта и конструирования объектов познания. Онтология понималась им как рефлексия априорных основ познавательной деятельности, условий мыслимости предметов вообще. Солидаризируясь с кантовской критикой догматической онтологии как «самостоятельной науки о бытии», В.А.Смирнов осуществляет лингвистический, а точнее, семантический поворот кантовского метода. «Мы исходим из допущения, - пишет В.А.Смирнов в совместной с П.В.Таванцом работе «О взаимоотношении символической логики и философии», - что принимаемый язык, используемые познавательные процедуры не безразличны познаваемому; принятие того или иного языка, той или иной логики вынуждает нас делать определенные допущения о познаваемых объектах. Одна из задач философии и состоит в том, чтобы установить связь между принимаемыми средствами выражения и рассуждения, с одной стороны, и допущениями об объектах исследования, с другой. И не только описать, но и четко сформулировать и обосновать. Конструирование искусственных языков и выяснение содержащихся в них онтологических допущений являются хорошим средством изучения проблем онтологии» [Смирнов, Таванец 1974, с. 26].

Известно, что Кант предлагал заменить «гордое имя онтологии» «скромным именем простой аналитики чистого рассудка» [Кант 1994, с. 190], делая предметом онтологии трансцендентальную реальность «чистого сознания», то есть те априори, которые обеспечивают возможность объективного знания. «Само сознание, - замечает, однако, В.А.Смирнов, - может пониматься онтологически, как некоторый факт, некоторое проявление жизнедеятельности» [Смирнов 2001в, с. 282]. На смену кантовской систематизации познавательных способностей трансцендентального субъекта приходят методы теоретико-модельной семантики. Хорошо известно, однако, скептическое отношение создателя этой семантики А.Тарского к её использованию в онтологии. Онтология как «общая теория объектов», полагает он, вообще «едва ли имеет какую-либо связь с семантикой» [Тарский 1988, с. 119]. На мой взгляд, именно конструктивный

характер онтолого-семантического проекта В.А.Смирнова делает его неуязвимым для скептицизма Тарского. Дело в том, что, по Тарскому, онтология имеет статус дисциплины, «которая должна быть развита исключительно эмпирическим путем и которая отличается от других эмпирических наук только своей общностью» [там же]. Действительно, построение подобной онтологии методами логической семантики привело бы к их некритической онтологизации, но, я думаю, что В.А.Смирнов никогда не ставил перед собой такой задачи. От любых форм эмпиризма как в онтологии, так и в логике его ограждает, на мой взгляд, последовательный конструктивизм.

Квалифицируя как бесперспективное возрождение психологизма программу переориентации логики на анализ «обыденных рассуждений», В.А.Смирнов отмечает в статье «Иммануил Кант и современная логика», что «центральный путь развития логической науки не в ориентации на обыденные рассуждения, а в её ориентации на более глубинные теоретические, философские основания науки и мышления в целом» [Смирнов 2001к, с. 473]. Ничуть не устарела, по его мнению, точка зрения Канта, согласно которой «естественная логика, или логика обычного разума, есть собственно не логика, а антропологическая наука, имеющая лишь эмпирические принципы, так как она толкует о правилах естественного применения рассудка и разума, которые познаются *in concreto*, следовательно, помимо сознания их *in abstracto*. Поэтому лишь искусственная, или научная, логика заслуживает этого имени как наука о необходимых и всеобщих правилах мышления, которые могут и должны быть познаваемы *in concreto a priori*, независимо от естественного применения рассудка и разума, хотя первоначально их можно было бы находить лишь посредством наблюдения этого естественного применения» [Кант 1980, с. 325]. Отмечая важность расширения сферы логики на анализ различных форм знания, в частности, «актов мысли, отличных от суждения» [Смирнов 2001з, с. 308], В.А.Смирнов занимает принципиальную позицию в отношении методов этого анализа: «Математику мы не построим, бегая от одного человека к другому и спрашивая, как он вычисляет. Прикладные вопросы не дают оснований для развития логики и математики» [Смирнов 2001к, с. 472].

Будучи теорией знания, логика, вместе с тем, является объектно-ориентированной дисциплиной. Эта двойственность логики влечет особую онтологическую изошренность в понимании объекта её исследования. Ссылаясь на философский анализ объектов конструктивной и интуиционистской математик, проведенный А.Г.Драгалиным, В.А.Смирнов полагает целесообразным для развития логической науки «рассматривать объект как саморазвивающийся, скажем, как конечный автомат с памятью и внешними входами... В таком случае сам объект превращается в субъект...» [Смирнов 2001з, с.

307]. Возможность технической реализации этой идеологии связывается им в статье «Символическая логика и теория познания» с сочетанием конструктивного и теоретико-игрового подходов (см. [там же]).

Теоретико-игровая семантика основана на моделировании рациональной деятельности, представляя процесс семантической оценки высказывания как игру верификатора, стремящегося подтвердить это высказывание в данной модели, и фальсификатора, прилагающего все силы для его опровержения. Как отмечает В.А.Смирнов, ограниченность стандартной теоретико-игровой семантики Я.Хинтикки состоит в том, что, предлагая новую операциональную интерпретацию сложных высказываний, она не распространяет эту интерпретацию на атомарные высказывания. На мой взгляд, намеченная В.А.Смирновым программа преодоления этой ограниченности может быть, по крайней мере, частично осуществлена за счет введения в рассмотрение нестандартных моделей, например, атомарных баз Д.Правица, которые включают множества правил вывода, задаваемых на атомарных формулах. Эффективная выигрышная стратегия верификатора в такого рода конструктивной игре с формулой A представляет собой замкнутый канонический аргумент для A по отношению к данной атомарной базе (см. [Драгалина-Черная 2000, с. 125 - 128]). Безусловно, допущение моделей, включающих правила вывода наряду с привычными объектами – индивидами, влечет радикальные онтологические выводы, которые, впрочем, предсказывались В.А.Смирновым. «Если утверждение истолковывать как отчет о результате работы алгоритма или отчет о результатах «игры» с познаваемым объектом, - писал он, - то не очевидно, что здесь должно предполагаться расчленение на объект и свойства (объекты и отношения). Во всяком случае, этот вопрос требует внимательного теоретико-познавательного обсуждения» [Смирнов 2001з, с. 307-308].

Безусловно, формальные методы сами по себе никогда не позволят вынести окончательный вердикт по поводу решения какой-либо философской проблемы, но они могут способствовать её прояснению. Эксплицируя неявные предпосылки и систематически обзревая следствия, которые влечет принятие той или иной философской позиции, формальные методы не определяют, какую позицию выбрать, но с определенной степенью точности демонстрируют субъекту выбора те онтологические обязательства, которые он принимает, осуществляя этот выбор. Здесь мы сталкиваемся, однако, с неким «парадоксом» логической реконструкции. Ни Аристотель, ни найяики, ни даже Н.А.Васильев не только не поняли бы того формального языка, на котором В.А.Смирнов говорит о принимаемых ими онтологических обязательствах, но и имели бы полное основание потребовать экспликации собственных предпосылок этого формального

языка в терминах понятных им самим формализмов. На мой взгляд, этот «парадокс» лишь свидетельствует о герменевтической природе метода логической реконструкции, границы которого прекрасно осознавал В.А.Смирнов. По мнению Б.Рассела, «любая философская проблема, подвергнутая необходимому анализу и прояснению, оказывается либо вообще не философской, либо в определенном смысле логической» [Russell 1995, p. 42]. Однако В.А.Смирнов вряд ли согласился бы со столь резким заявлением. «Было бы неправильно думать, - пишет он в работе «Значение метода логической реконструкции для истории логики и философии», - что логическая наука развивается сама по себе и историю логики и философии мы исследуем с помощью уже разработанных, готовых логических теорий. Следует отметить, что ряд направлений и разделов современной логической науки – даже таких, которые получили практическое и техническое приложение, - возник в результате попыток дать логическую реконструкцию старых философских концепций и разрешить трудности, с которыми столкнулись их авторы» [Смирнов 2001д, с. 450].

Экспликация философских концепций средствами формальных логических языков предполагает рефлексивное осознание категориальных структур и онтологических предпосылок самих этих языков. «Логика, - афористически замечает В.А.Смирнов, - не есть исчисление, она лишь выражается в исчислении» [Смирнов 2001г, с. 288]. Формальная философия не есть формализм, она лишь использует его как метод. В каждом конкретном случае соотношение формального моделирования и философской рефлексии по поводу оснований этого моделирования является, в конечном счете, вопросом вкуса, о незаменимой важности которого для логика-философа говорил мне когда-то человек с безупречным философским вкусом - Владимир Александрович Смирнов.

ЛИТЕРАТУРА

- [Аристотель, 1975] Аристотель. Метафизика // Аристотель. Сочинения в 4-х томах, т. 1, М.: Мысль, 1975
- [Васильев 1989] Васильев Н.А. Воображаемая логика. Избранные труды. М.: Наука, 1989
- [Драгалина-Черная 2000] Драгалина-Черная Е.Г. Формальные онтологии: аналитическая реконструкция. М.: Альфа, 2000
- [Инголлс 1974] Инголлс Д.Г.Х. «Введение в индийскую логику навья-ньяя». М.: Наука, 1974
- [Кант 1980]. Кант И. Трактаты и письма. М., 1980
- [Кант 1994] Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994

- [Смирнов, Таванец 1974] Смирнов В.А., Таванец П.В. О взаимоотношении символической логики и философии // Философия в современном мире. Философия и логика. М.: Наука, 1974, с. 5 – 34
- [Смирнов 1974] Смирнов В.А. От редактора // Инголлс Д.Г.Х. Введение в индийскую логику навья-ньяя. М.: Наука, 1974, с. 3 - 6
- [Смирнов 2001а] Смирнов В.А. Логические взгляды Н.А.Васильева // Логико-философские труды В.А.Смирнова. М.: Эдиториал УРСС, 2001, с. 136 – 147
- [Смирнов 2001б] Смирнов В.А. Логические идеи Н.А.Васильева и современная логика // Логико-философские труды В.А.Смирнова. М.: Эдиториал УРСС, 2001, с. 148 - 172
- [Смирнов 2001в] Смирнов В.А. Проблема рациональности // Логико-философские труды В.А.Смирнова. М.: Эдиториал УРСС, 2001, с. 279 - 282
- [Смирнов 2001г] Смирнов В.А. Является ли классическая формальная логика универсальной? // Логико-философские труды В.А.Смирнова. М.: Эдиториал УРСС, 2001, с. 287 – 289
- [Смирнов 2001д] Смирнов В.А. К.Поппер прав: диалектическая логика невозможна // Логико-философские труды В.А.Смирнова. М.: Эдиториал УРСС, 2001, с. 290 - 295
- [Смирнов 2001е] Смирнов В.А. Модели языка и модели мира // Логико-философские труды В.А.Смирнова. М.: Эдиториал УРСС, 2001, с.263 – 367
- [Смирнов 2001ж] Смирнов В.А. О достоинствах и ошибках одной логико-философской концепции» (критические заметки по поводу теории языковых каркасов Р.Карнапа) // Логико-философские труды В.А.Смирнова. М.: Эдиториал УРСС, 2001, с. 345 - 355
- [Смирнов 2001з] Смирнов В.А. Символическая логика и теория познания // Логико-философские труды В.А.Смирнова. М.: Эдиториал УРСС, 2001, с. 298 - 310
- [Смирнов 2001и] Смирнов В.А. О перспективах анализа учения И.Канта о праве и морали средствами современной логики // Логико-философские труды В.А.Смирнова. М.: Эдиториал УРСС, 2001, с. 465 -469
- [Смирнов 2001к] Смирнов В.А. Иммануил Кант и современная логика // Логико-философские труды В.А.Смирнова. М.: Эдиториал УРСС, 2001, с. 470 - 475
- [Смирнов 2001л] Смирнов В.А. Значение метода логической реконструкции для истории логики и философии // Логико-философские труды В.А.Смирнова. М.: Эдиториал УРСС, 2001, с. 448 - 455
- [Тарский 1988] Тарский А. Семантическая концепция истины и основания семантики // Аналитическая философия: становление и развитие. М.: Дом интеллектуальной книги, 1998, с. 90 – 129
- [Russell 1995] Russell B. Our Knowledge of the External World. L., N.Y., 1995

[Tarski 1986] Tarski A. What are Logical Notions? // History and Philosophy of Logic, 1986, n.7, p. 143-154